

Талызина Елена Викторовна

ТЕМА ПАТРИОТИЗМА В ПОЭЗИИ ЭДВАРДА ТОМАСА

В статье рассматривается творчество малоизвестного в России британского поэта начала XX века Эдварда Томаса, в частности, анализируется воздействие Первой мировой войны на развитие его патриотических взглядов и чувств. На примере отдельных стихотворений прослеживается постепенная эволюция этих взглядов в военные годы и делается попытка объяснить тот факт, почему у зрелого и крайне далёкого от "ура-патриотизма" человека могло возникнуть желание защищать свою родную страну на фронте и даже отдать жизнь за её свободу и благосостояние.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 3. С. 47-51. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

кроме «добрых домашних дел» («Not learned save in gracious household ways» [7, p. 199]). Поэт полагает, что в процессе развития женщины и мужчины будут воспринимать друг у друга лучшие качества, но женщина при этом должна не изменять своей сущности.

Между тем, авторское «я» также скрыто под маской. Теннисон разделял присущие его современникам культ дома, сакрализацию семьи, не принимая кардинальных изменений в отношении гендерных ролей в обществе. Теннисон сочувствовал женщине, покинутой возлюбленным («Мариана», «Энона» («Oenone»)), утверждая, что «главным показателем мужественности является рыцарское отношение к женщине» [8, p. 208]. Его восхищала способность женщины к самопожертвованию и героизму («Годива» («Godiva»)), «Баллада об Орайане» («The Ballad of Orlana»)). Поэт заставляет Принца восхищаться Айдой и не забывает напомнить читателю о выдающихся женщинах прошлого, чьи изваяния украшают колледж принцессы: здесь и Диотима, которая давала уроки Сократу, и Коринна, одержавшая победу над Пиндаром в состязании поэтов, и Артемизия, женщина-воительница древности, Семирамида, Корнелия, мать Гракхов... Подзаголовок «A Medley» применим и к авторскому женскому идеалу, и к жанру поэмы, в которой комическое сочетается с серьезным, бурлескное – с лирическим. При этом шекспировский сюжет служит средством осмысления актуальной проблемы викторианской эпохи. Осмысления, но не решения. В «Заключении» друзья расходятся, так и не сумев найти ответ на вопрос сэра Уолтера.

Список источников

1. Андреев М. Л. Классическая европейская комедия. Структура и формы. М.: РГГУ, 2011. 234 с.
2. Пинский Л. Е. Магистральный сюжет. М.: Советский писатель, 1989. 416 с.
3. Gerhard J. Tennysonian Love. The Strange Diagonal. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1969. 206 p.
4. Killham J. Tennyson and «The Princess». Reflections of an Age. L.: University of London, 1958. 299 p.
5. Ruskin J. Sesame and Lilies. Lecture II. Lilies: Of Queens' Gardens [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bartleby.com/28/7.html> (дата обращения: 02.05.2017).
6. Shakespeare W. Love's Labour's Lost // Shakespeare W. Complete Works. L.: Magpie Books, 1992. P. 144-170.
7. Tennyson A. The Princess. A Medley // Tennyson A. Poems and Plays. L. – Oxford – N. Y.: Oxford University Press, 1975. P. 154-202.
8. Tennyson H. Alfred, Lord Tennyson. A Memoir. By His Son. L.: Macmillan, 1899. 929 p.

“LOVE’S LABOUR’S LOST” IN THE PARAPHRASE OF THE VICTORIAN POET. A. TENNYSON’S POEM “THE PRINCESS”

Sokolova Natal'ya Igorevna, Doctor in Philology, Professor
Moscow State Pedagogical University
sokol.n@list.ru

Shakespeare was one of the favorite authors of Tennyson, who often used certain images and motives of the great playwright's works. In the article the specificity of the transformation of the plot of “Love's Labour's Lost” in Tennyson's poem “The Princess” is characterized. Changing places of comedy characters, the Victorian poet uses Shakespeare's plot to express his own attitude to the problem of the status of women in society. Stating in the tradition of Shakespeare the triumph of nature and love over the delusion of the heroine, Tennyson discovers in the work of the great playwright the principle, consonant with the Victorian era.

Key words and phrases: poem; comedy; the Victorian era; tradition; nature; women's issue.

УДК 821.111

В статье рассматривается творчество малоизвестного в России британского поэта начала XX века Эдварда Томаса, в частности, анализируется воздействие Первой мировой войны на развитие его патриотических взглядов и чувств. На примере отдельных стихотворений прослеживается постепенная эволюция этих взглядов в военные годы и делается попытка объяснить тот факт, почему у зрелого и крайне далёкого от «ура-патриотизма» человека могло возникнуть желание защищать свою родную страну на фронте и даже отдать жизнь за её свободу и благосостояние.

Ключевые слова и фразы: Эдвард Томас; поэты-георгианцы; военная поэзия; тема патриотизма; Первая мировая война.

Талызина Елена Викторовна

Самарский государственный технический университет
elanor68@mail.ru

ТЕМА ПАТРИОТИЗМА В ПОЭЗИИ ЭДВАРДА ТОМАСА

Британский поэт Эдвард Томас (1878-1917), столетие со дня гибели которого отмечалось 9 апреля 2017 г., теперь считается одним из величайших англоязычных поэтов XX в. Тем не менее, поэтом он являлся, по сути, лишь немногим более двух лет, написав между декабрём 1914 и январём 1917 г. 142 стихотворения, в основном высокого художественного уровня [1, p. ix], причём подавляющее большинство из них автор так и не увидел напечатанными. При жизни же он был известен как литературный обозреватель, критик и писатель – «натуралист».

В литературоведении Э. Томаса принято причислять к поэтам-георгианцам, а также к «военным поэтам». Последнее не вполне справедливо. Несмотря на то, что поэт принимал участие в боевых действиях во Франции, в отличие от поэтических произведений Оуэна, Сассуна и других «окопных поэтов», ни одно его стихотворение не отражает личный фронтный опыт, т.к. все они были созданы в Англии, хотя и во время Великой войны. Более того, из них едва ли наберётся десяток, где непосредственно упоминается война [3, p. 66].

«Практический» патриотизм Томаса не вызывает сомнений: в июле 1915 г. поэт добровольно записался на военную службу [Ibidem, p. 13] и после подготовки в учебном лагере был в феврале 1917 г. отправлен на Западный фронт, во Францию, где погиб в битве при Аррасе. Следует заметить, что Томас не был обязан активно участвовать в войне, будучи (на момент поступления на военную службу) 37-летним женатым человеком с тремя детьми. В крайнем случае он мог остаться инструктором в лагере в Англии. Однако к такой активной гражданской позиции Томас пришёл далеко не сразу. Эволюцию патриотических чувств поэта с начала войны отражают его произведения.

Собственно говоря, патриотические взгляды Томаса эксплицитно выражены лишь в одном стихотворении, поводом к созданию которого послужила ссора с отцом, «традиционным» патриотом, на Рождество 1915 г. Оно называется по первой строке «This is No Case of Petty Right or Wrong» (букв. «Это не тот случай мелкой справедливости или несправедливости»). В его начале поэт открыто заявляет:

«I hate not Germans, nor grow hot

With love of Englishmen, to please the newspapers» [2, p. 96]. /

«Я не питаю ненависти к немцам и не горю любовью к англичанам, в угоду газетам» (здесь и далее перевод автора статьи – Т. Е.). Стихотворение в 26 строк написано пятистопным рифмованным ямбом, довольно частым размером у Томаса. Схема рифмовки нерегулярная: первые 16 строк рифмуются перекрестно, в основном через одну – вторая с четвёртой, третья с пятой и т.д.; первая же строка рифмуется с седьмой. Возможно, такая прихотливая схема (иногда встречающаяся у Томаса) заставила одного из исследователей решить, что стихотворение частично написано белым стихом. Однако последние 10 строк – это рифмованные двустопия. По предположению того же автора, – для того, чтобы выделить основную мысль поэта [3, p. 56]:

«But with the best and meanest Englishmen

I am one in crying, God save England...» [2, p. 96] / «Но с лучшими и самыми низкими англичанами / я кричу: “Боже, храни Англию”», Ведь «She is all we know and live by» («она всё, что мы знаем и чем живём»), поэтому «as we love ourselves we hate her foe» («как мы любим себя, так мы ненавидим её врага»).

В стихотворении возникает образ «двух ведьминых котлов» («two witches' cauldrons»), возможно, символизирующих войну. Поэт верит, что его родная Англия возродится после исторических потрясений: из одного котла восстанет «an England beautiful / And like her mother that died yesterday» [Ibidem] / «Англия прекрасная / и подобная своей матери, умершей вчера».

Английская поэтесса Элеонор Фарджон, близкая знакомая Томаса, описала в своих воспоминаниях чувства поэта, приведшие к созданию стихотворения: «Из любви к пыли своей страны он [Томас] восклицал: “Боже, храни Англию” в 1915 г., как в 1415 он мог бы кричать при Азенкуре. Его ненависть была предназначена для ура-патриотической прессы и тех, кто пользовался в спорах её жаргоном» [Ibidem, p. 95].

Однако «Это не тот случай» не является для Томаса типичным стихотворением, и поэт даже был против его публикации.

То, что Томас вкладывал в понятие «патриотизм», он показал, в частности, в антологии «This England», над составлением которой работал в 1915 г. Она даёт представление о его идеале военной поэзии, написанной на протяжении всей английской истории. Поэт Эндрю Моушн (Andrew Motion) пишет: «Это была военная поэзия, которая должна питать настоящее путём нового обретения прошлого» [Ibidem, p. 97]. Например, Томас высоко ценил небольшую поэму Кольриджа «Fears in Solitude» («Страхи в уединении», об угрозе французской интервенции в 1798 г.; это произведение, если верить Википедии, критика называла «паникёрским» и «антибританским»), говоря, что истоки её «неизбежно английского качества» – в «мистическом патриотизме, которому война не могла помешать» [Ibidem].

В антологию «This England» Томас включил, под псевдонимом «Эдвард Истевей (Eastaway)», два своих «ранних» стихотворения – «The Manog Farm» («Усадьба-ферма») и «Haymaking» («Сенокос») [Ibidem]. Оба представляют собой идиллические природно-бытовые зарисовки, первое – февральского дня в деревне, а второе – июньского утра, однако оканчиваются они почти эпически.

В «Усадьбе-ферме» («The Manog Farm» – так, как утверждают, в Южной Англии до сих пор называют ферму, принадлежащую местному землевладельцу [3, p. 31]) описывается тихий воскресный февральский день, когда «Грязь чуть подтаяла, и ручейки / Сверкая, на обочины текли», старый большой деревенский дом, церковь и тис, не уступающие ему по старине и размеру, три лошади-тяжеловоза, которые пытаются хвостами отогнать одну-единственную муху. Стихотворение написано пятистопным нерифмованным ямбом, ассоциирующимся с пьесами Шекспира. Однако гипербола в конце переводит эту бытовую сцену на вневременной уровень:

«The Winter's cheek flushed as if he had drained

Spring, Summer, and Autumn at a draught

And smiled quietly. But 'twas not Winter –

Rather a season of bliss unchangeable,

Awakened from farm and church where it had lain

Safe under tile and latch for ages since

This England, Old already, was called Merry» [6, p. 272]. /

«Зима пылала, будто осушив
Весну и лето, осень за глоток,
И улыбалась. Нет, то не зима –
Пора блаженства вечного проснулась
На ферме, в церкви, где она спала
Под черепицей и замком с тех пор,
Как Англию-старушку звали “доброй”».

Эпитет «*meagre*» приводит на память эссе Томаса «*England*», написанное в начале войны, также на тему патриотизма, где он цитирует стихотворную хронику (ок. 1300 г.) монаха-историка Роберта Глостерского, так назвавшего Англию [4, p. 102]. Таким образом, подчёркивается преемственность времён.

«*Naumaking*» («Сенокос») показывает, с подробным описанием природы, июньское утро после грозной ночи и группу работников, отдыхающих во время заготовки сена. Стихотворение написано пятистопным ямбом в рифмованных двустопиях и насыщено многочисленными тропами. Так, облака на лазурном небе сравниваются с «первыми богами», плавающими в спокойном море, «до того, как они сотворили мир / и страдание», стриж – с летящим луком со стрелой; по дороге «гуляет» лишь «аромат жимолости и свежескошенного сена» и т.д. Основная идея та же, что и в «Усадьбе-ферме», – внеисторичность описанной картины:

«Under the heavens that know not what years be
The men, the beasts, the trees, the implements
Uttered even what they will in times far hence –
All of us gone out of the reach of change –
Immortal in a picture of an old grange» [2, p. 99]. /

«Под небесами, не знающими, что такое годы, / люди, животные, деревья, орудия / изрекали то, что они будут изрекать во времена в отдалённом будущем, – / когда все мы будем вне досягаемости перемен, – / бессмертные на картине старой фермы».

Почему Томас включил эти произведения в антологию патриотической поэзии? Ответ может дать вышеупомянутое эссе «*England*», в котором поэт объясняет: «... Англия <...> была местом бесчисленных захолустьев и уголков, и большинство людей любили или, по крайней мере, не могли обойтись без какого-нибудь одного или двух из них и любили всю Англию, потому что без неё эта часть не могла существовать. <...> На протяжении английской истории вы находите два элемента в нераздельном сочетании, любовь к месту, где у вас “есть ваше счастье или вовсе нет”, и не столь устойчиво сознательную любовь к острову и гордость за его славу» [4, p. 102-103]. Эссе завершается фразой, что Англия – это «система огромных окружностей, описанных вокруг крохотных соседних точек родного дома» [Ibidem, p. 111]. Следовательно, для Томаса любовь к своей «малой родине», Южной Англии (где он провёл практически всю свою жизнь), выливалась в любовь к родной стране, о чём свидетельствуют два проанализированных выше стихотворения.

Любовь к родине, выраженная прежде всего через любовь к природе и сельской жизни, наполняет и другие стихи поэта: знаменитый «*Adlestrop*» («Эйдлстроп»), «*I Never Saw that Land Before*» (букв. «Я никогда не видел эту землю прежде»), «*Birds' Nests*» («Птичьи гнёзда»), «*Tall Nettles*» («Крапива»), «*Digging*» («То-day I think»; «Вскапывание» – «Сегодня я...»), «*Sowing*» («Сев») и т.д. Томас с детства хорошо знал и любил английскую флору и фауну, английскую деревню, восхищаясь книгами писателя-натуралиста XIX в. Ричарда Джеффриса, а также общаясь с простыми сельскими жителями.

Наиболее полным выражением такого патриотизма впоследствии (летом 1915 г.) явилось стихотворение «*Lob*» – так в английском фольклоре называется дух природы, *hobgoblin* (Ноб) или «Робин Добрый Малыш» [1, p. 94] (см., например, «Сон в летнюю ночь» Шекспира). Томас применяет это имя к «мифологической фигуре, способной вместить в себя английский характер и характер Англии как они развивались с течением времени в ландшафте и языке» [Ibidem]. В произведении показан вневременной образ «человека из народа», создателя пословиц, местных топонимов и народных названий растений и животных. Он неуничтожим:

«Although he was seen dying at Waterloo,
Hastings, Agincourt, and Sedgemoor too, –
Lives yet» [2, p. 107]. /

«Хотя видели, как он умирал при Ватерлоо, / Гастингсе, Азенкуре, а также Седжмуре (значительные для английской истории битвы разных веков – Т. Е.), / он всё ещё жив». Итак, помимо квинтэссенции «английского духа», «*Lob*» выражает уверенность поэта в том, что его родная страна выстоит в Великой войне. Стихотворение написано рифмованными двустопиями пятистопного ямба, «имеющими привкус Чосера» [3, p. 39].

В ходе войны Томас не только осознал свою любовь к родине, но и беспокоился о судьбе страны и размышлял о своей личной роли в войне. В стихотворении «Слёзы» («*Tears*»), написанном нерифмованным пятистопным ямбом в январе 1915 г., даны две картины традиционной Англии (по словам исследователя творчества Томаса Майкла Кёркема, «почти открытки» [1, p. 123]), вызывающие ностальгию автора. Первая – охота на лис:

«It seems I have no tears left. They should have fallen –
Their ghosts, if tears have ghosts, did fall – that day
When twenty hounds streamed by me, not yet combed out

But still all equals in their rage of gladness
 Upon the scent, made one, like a great dragon...» [5, p. 129]. /
 «Похоже, слёзы у меня иссякли.
 Их тени, коль у слёз есть тень, текли,
 Как двадцать гончих мимо пронеслись,
 Совсем щенки, все в ярости веселья,
 По следу, как один, точь-в-точь дракон...».

Вторая – смена караула в Тауэре:

«A mightier charm than any in the Tower
 Possessed the courtyard. They were changing guard,
 Soldiers in line, young English countrymen,
 Fair-haired and ruddy, in white tunics. Drums
 And fifes were playing “The British Grenadiers”» [Ibidem]. /
 «Сильнее же, чем Тауэра, чары
 Шли от двора. Сменялся караул,
 Шеренга юных сельских англичан,
 Румяных, русых, в белых кителях.
 Оркестр играл “Британских гренадер”».

По мнению Кёркема, помимо «традиционности», эти сцены связывают слова «как один» («made one») в первой части и «шеренга» («in line») – во второй, создающие параллелизм между молодыми гончими и юными, на первый взгляд, бесхитростными деревенскими парнями. Тем не менее, в единстве они представляют угрозу [1, p. 123]. «Чары» как будто противопоставляются мрачному «Тауэру с двойной тенью» («the double-shadowed Tower»). Однако тёмное прошлое Тауэра «имеет явные связи с настоящим, так живописно воплощённым в шеренге солдат и военной музыке» [Ibidem, p. 124]. Поэтому возникают как бы два образа Англии, наложенные один на другой и кажущиеся несовместимыми. «Английскости» («Englishness») угрожает «дракон войны» [Ibidem].

Вместе с родной страной поэт скорбит о её погибавших сыновьях, лаконично и ёмко выразив свои чувства в четверостишии «In Memoriam» (букв. «в память» – лат.) с подзаголовком «Easter, 1915» («Пасха, 1915 г.»):

«The flowers left thick at night fall in the wood
 This Eastertide call into mind the men,
 Now far from home, who, with their sweethearts, should
 Have gathered them and will do never again» [Ibidem, p. 193]. /
 «В лесу цветов бесчисленная рать
 Забыть на эту Пасху не даёт
 Тех, кто с любимой должен был их рвать,
 Но больше никогда уж не сорвёт».

Множество несорванных цветов становится символом «бесчисленной рати» павших, устилавшей поля Франции. Тот факт, что действие происходит на Пасху, символизирующую возрождение, придаёт стихотворению ещё большую трагичность: «воскресение» природы в цветах противопоставляется гибели юношей, для которых всё в жизни кончено (Томас был неверующим). Вероятно, именно за способность выразить глубокую мысль в немногих строках известный российский переводчик Виктор Топоров назвал Э. Томаса «афористически чётким».

В конце мая 1916 г., когда Томас работал инструктором в учебном лагере в Эссексе [3, p. 42], он начал писать ещё одно стихотворение нерифмованным пятистопным ямбом, «As the Team’s Head-Brass» («Латунный блеск на сбруе»), описывающее пахоту в военное время и разговор героя-рассказчика, сидящего на упавшем вязе, с пахарем. В стихотворении поэт размышляет над своей возможностью отправиться на фронт:

«“Have you been out?” “No.” “And don’t want to, perhaps?”
 “If I could only come back again, I should...”» [5, p. 134]. /
 «“Вы были там?” “Нет”. “Неохота, да?”
 “Пошёл бы, если б знал, что я вернусь...”».

Упавший вяз («типично английское дерево» для Томаса [1, p. 120]), видимо, символизирует гибель «традиционной» Англии в результате войны, являясь, судя по всему, аллюзией на поэму XIX в. англичанина Джона Клэра, в которой срубленный вяз назван защитником и даже другом поэта [6, p. 179]. Предположение подкрепляется символической связью: снежная буря повалила вяз в ту самую ночь, когда товарищ пахаря был убит во Франции. Однако образ пары влюблённых, в начале стихотворения заходящих в лес (один из символов смерти в поэзии Томаса), а в конце возвращающихся из него, опять даёт надежду на возрождение. В то время как то, что герой-рассказчик сидит в ветвях упавшего вяза, вероятно, говорит о возможности гибели самого поэта на фронте [Ibidem, p. 207].

Через два месяца после написания «As the Team’s Head-Brass» Томас изъявил желание отправиться на фронт. Когда Элеонор Фарджон спросила, за что он хочет сражаться, он, взяв щепотку земли, ответил: «Буквально за это» [3, p. 14].

Следует заметить, что до войны Эдвард Томас, несмотря на незнание настоящего горя, был глубоко несчастен, вероятно, из-за необходимости постоянно заниматься литературным трудом для содержания семьи, и даже едва не совершил самоубийство. Тем не менее, конец его жизни позволил другому поэту, Филипу Ларкину (1922-1985), сказать, что «результатом его ошибочной и несчастливой жизни внезапно стала спокойная и бесспорная кульминация» [Ibidem, p. 5].

Таким образом, поэзия Эдварда Томаса даёт представление о том, что поэт, ни в коей мере не являясь «ура-патриотом», горячо любил родную страну и болел душой за её судьбу в годину бедствий. Желание защищать родину, не жалея собственной жизни, логически вытекало из патриотических чувств, выраженных в поэтических произведениях.

Список источников

1. **Kirkham M.** The Imagination of Edward Thomas. N. Y.: Cambridge University Press, 2010. xii+225 p.
2. **Motion A.** The Poetry of Edward Thomas. L.: Random House, 2011. 193 p.
3. **Roberts G.** Selected Poems of Edward Thomas. L.: Macmillan Education, 1988. 86 p.
4. **The Last Sheaf:** essays by Edward Thomas; with a foreword by Thomas Seccombe. L.: J. Cape, 1928. 221 p.
5. **The War Poets:** An Anthology. L.: Pitkin Publishing, 2006. 142 p.
6. **Wiśniewski J.** Edward Thomas: A Mirror of England. Cambridge: Cambridge Scholar Publishing, 2008. 360 p.

PATRIOTIC THEME IN THE POETRY OF EDWARD THOMAS

Talyzina Elena Viktorovna
Samara State Technical University
elanor68@mail.ru

The article considers the creative work of the little known in Russia British poet of the beginning of the XX century Edward Thomas; in particular, the paper analyzes the influence of the First World War on the development of his patriotic views and feelings. By the example of certain poems the researcher traces the gradual evolution of these views in the war years and tries to explain why the mature person not given to jingoism aspired to defend his native country on the front line and even to give his life for its freedom and well-being.

Key words and phrases: Edward Thomas; Georgian poets; military poetry; patriotic theme; First World War.

УДК 82.02

В статье исследуются основные вопросы истории становления ингушской поэзии, рассматриваются особенности поэтического творчества ингушских художников слова начального периода, специфика их лирики, а также своеобразие воплощения тематики и идеи произведения. Автором обозначены основные этапы развития ингушской поэзии. Кроме того, определяется роль и место ингушской поэзии в северокавказской литературе. Основной акцент в статье делается на художественном наследии родоначальников ингушской поэзии Т. Д. Бекова и С. И. Озиева, А. И. Озиева, Х.-Б. Ш. Муталиева и др.

Ключевые слова и фразы: народная поэзия; ингушская лирика; особенности поэзии; фольклор; письменные традиции; родоначальник ингушской поэзии; периоды развития; северокавказская литература.

Хадзиева Айна Ахметовна, к. филол. н.
Ингушский государственный университет, г. Магас
hadzieva_aa@mail.ru

ЖЕМЧУЖНАЯ ЭПОХА ИНГУШСКОЙ ПОЭЗИИ (20-40-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Ингушская национальная поэзия – явление самобытное, оригинальное и неповторимое. Она представляет собой крепкий фундамент национальной художественной культуры, результат последовательного воплощения в жизнь ментальных традиций и обычаев народа. В ее основе лежат высокие нравственные и эстетические идеалы, вера в возможность совершенствования человека, способность преобразования духовного мира народа, патриотический пафос служения родной земле, многонациональной Родине.

Говоря о развитии ингушской поэзии и литературы в целом, следует отметить тот факт, что она является частью русской и многонациональной литературы нашей страны. Как и все национальные литературы Северного Кавказа, она стала осмысливать исторические, политические темы и идеи того сложного времени, но при этом имеет свой, непохожий и неповторимый на других, путь развития, ментальные особенности, отличные от литературы других народов, проживающих на территории нашего края и России. Национальная самобытность ингушей формировалась не только историческим прошлым, но всей совокупностью культуры, фольклора, религии и неповторимой особенностью народа: «Литература ингушей принадлежит